

Е.Г. Неклюдов*

E.G. Neklyudov*

**Горный надзор в начале XX в.:
проблема расчетов с рабочими
на заводах Урала******Mining Supervision
at the Beginning of the 20th Century:
Problem of Settlements with Workers
in the Factories of the Urals**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-1

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-1

УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Неклюдов Е.Г. Горный надзор в начале XX в.: проблема расчетов с рабочими на заводах Урала // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 4–25. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-01.pdf>

Neklyudov E.G. Mining Supervision at the Beginning of the 20th Century: Problem of Settlements with Workers in the Factories of the Urals // Historical Courier, 2019, No 6 (8). P. 4–25. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-01.pdf>

Abstract. In the second half of the 20th century in Russia a new system of professional mining supervision began to operate. The district engineers, who carried out this supervision, were vested with a variety of control functions, including overseeing the timely payment of salaries to mining workers. The article discusses the actions of district engineers during the acute financial crisis of the beginning of the 20th century, accompanied by frequent delays in fees. The study was conducted on the materials of the three largest mining and industrial districts of the Urals – Serginsko-Ufaleysky and Bogoslovsky, which belonged to joint-stock companies, and the Nizhnetagilsky district of the heirs of P.P. Demidov. It turns out that the mining supervisors were responsible for their duties, as was required by law, carried out “research on the site of the displeasure that had arisen” and tried to achieve a “peace-loving agreement of the parties”. However, they did not have real levers of administrative influence on management, which was a consequence of the lack of elaboration of the working legislation. All this testifies to the fact that the formation of personnel support for mining supervision was ahead of the current legislation, which required first priority improvement.

Keywords: Ural; beginning of the 20th century; mining reform; mining supervision; district engineers; workers; payroll delays.

The article has been received by the editor on 10.07.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Во второй половине XIX в. в России стала действовать новая система ведомственного горного надзора. Окружные инженеры, осуществлявшие этот надзор, были наделены разнообразными контрольными функциями, включая наблюдение за своевременной выплатой заработной платы рабочим горных предприятий. В статье рассматриваются действия окружных инженеров в период острого финансового кризиса начала XX в., сопровождавшегося частыми задержками заработной платы. Исследование проведено на материалах трех крупнейших горнозаводских округов Урала – Сергинско-Уфалейского и Богословского, принадлежавших акционерным обществам, и Нижнетагильского округа на-

* Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), e-mail: ntplant9@mail.ru

Neklyudov Evgeny G., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), e-mail: ntplant9@mail.ru

** Статья выполнена в рамках конкурсного проекта комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН № 18-6-6-20 «Институциональные практики в государственном строительстве и социальная интеграция в России XVII – начала XX в.»

следников П.П. Демидова. Выясняется, что чиновники горного надзора ответственно относились к своим обязанностям, как полагалось по закону, проводили «исследования на месте возникших неудовольствий» и старались достичь «миролюбивого соглашения сторон». Одако они не имели реальных рычагов административного воздействия на заводоуправления, что было следствием недостаточной разработанности рабочего законодательства. Все это свидетельствует о том, что формирование кадрового обеспечения горного надзора опережало действующее законодательство, которое требовало первоочередного совершенствования.

Ключевые слова: Урал; начало XX в.; горная реформа; горный надзор; окружные инженеры; рабочие; задержки заработной платы.

В 1860-е гг. в России началось создание новой системы профессионального горного надзора как важнейшей части реформы, направленной на совершенствование условий для развития отечественной горнозаводской промышленности¹. Проект реформы был подготовлен в 1866 г. Комиссией по пересмотру Горного устава, предложившей заменить действовавший с начала XIX в. горно-полицейский надзор заводских исправников, назначавшихся из числа гражданских чиновников, горно-техническим надзором окружных инженеров, имевших специальное образование и опыт работы. По проекту Комиссии, территория империи должна была делиться на горно-административные области и округа, возникавшие по мере распространения «промысла», надзор за предпринимательской деятельностью в которых и осуществляли окружные инженеры. В 1862 г. в качестве опыта два таких инженера появились в Замосковном крае, впоследствии заменив собой упраздненное Московское горное правление, в 1870 г. – в Царстве Польском, в 1886 г. – на Урале, в 1887 г. – на Кавказе, в 1888 г. – в Западной и Восточной Сибири. К началу XX в. обширная территория Российской империи была разделена на 11 горных областей, в семи из которых (наиболее крупных и отдаленных от центра) действовали специальные учреждения – горные управления (окружные инженеры подчинялись начальникам областных управлений), а четыре – находились в непосредственном ведении Горного департамента Министерства торговли и промышленности. Министру предоставлялось право менять количество и состав горно-административных округов, входивших в эти области. Каждый такой округ охватывал огромную территорию с расположенными там частными заводами или целыми горнозаводскими округами – территориально-хозяйственными комплексами, включавшими несколько взаимосвязанных металлургических и горнодобывающих предприятий, которые принадлежали владельцам на по-сессионном праве или праве собственности. Всего, по данным за 1911–1913 гг., местный горный надзор обеспечивали 63 окружных инженера и один техник, 42 их помощника, а также 17 штатных маркшейдеров (эти чиновники с 1877 г. контролировали рудничные разработки), восемь сверхштатных и один помощник. Делопроизводство вели 30 письмоводителей при окружных инженерах и 12 чертежников².

Важной вехой на пути становления профессионального горного надзора стало Положение о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц местного горного управления, утвержденное 21 декабря 1892 г. Этим актом унифицировались структура и обязанности региональных горных управлений, а также функционал окружных инженеров³. К началу XX в. он включал надзор за безопасностью работ и «правильностью» их «в техническом отношении», наблюдение «за своевременным поступлением горных податей», за исполнением требований законов о найме рабочих и о труде малолетних и женщин, отвод рудничных пло-

¹ Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018. 576 с.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 67. Д. 144. Л. 11; Косинский Ф.Г. Горное и заводское дело в России: справочная адресная книга о горнопромышленных и заводских предприятиях Российской империи с статистическими сведениями за 1907 г. СПб., 1909. С. 71–77.

³ Полное собрание законов Российской империи. Третье изд. (ПСЗ-III). Т. 12. № 9182.

щадей, «оказание владельцам содействия к правильному и выгодному ведению работ и преподание им надлежащих по горнотехнической части советов», сбор и обработка горнотехнических и статистических сведений и пр.

Исследование горного надзора и определение его эффективности, на наш взгляд, целесообразно начинать с анализа отдельных направлений обширной деятельности окружных инженеров, соответствующих важнейшим функциям надзора, а завершить – обобщением результатов по всем направлениям. Основанием для такого исследования могут послужить сохранившиеся фонды окружных инженеров крупнейшей Уральской горной области, поделенной к началу XX в. на 12 горно-административных округов и могущей считаться моделью организации общероссийского горного надзора. В настоящей статье попытаемся разобраться с тем, как уральские окружные инженеры осуществляли функцию надзора за выполнением горнозаводчиками такого важного условия найма рабочих на предприятия, как своевременная выдача заработной платы.

Уточним, что в соответствии с мнением Государственного совета от 9 марта 1892 г., на чиновников надзора возлагалось «наблюдение за исполнением нанимателями и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения», а также «принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между нанимателями и рабочими, путем исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон»⁴. К числу обязательных условий найма закон от 3 июня 1886 г. относил выдачу заработной платы рабочим «не реже одного раза в месяц, если наем заключен на срок более месяца, и не реже двух раз в месяц, при найме на срок неопределенный». Рабочий, не получивший в срок заработную плату, имел право «требовать судебным порядком расторжения заключенного с ним договора» и даже получить компенсацию «сверх должной ему суммы». «Расплата с рабочими, вместо денег, купонами, условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами» тем же законом воспрещалась⁵. В случае нарушения окружным инженерам или их помощникам предписывалось составлять протоколы и передавать их в судебные органы или в органы надзора второго уровня – Присутствия по горнозаводским делам, с 1892 г. открытые при областных горных управлениях для разбора дел о нарушениях правил «охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих»⁶. В 1899 г. эти присутствия были заменены губернскими по фабричным и горнозаводским делам присутствиями, объединявшими полицейский, горный и фабричный надзор в части «соблюдения на фабриках, заводах и горных промыслах должного порядка и благоустройства». Хотя по основной своей деятельности окружные инженеры входили в структуру горного ведомства, в этой части обязанностей они были подчинены и губернаторам⁷.

Знак, присваиваемый горным инженерам

⁴ ПСЗ-III. Т. 12. № 8402. Ст. 9; Свод законов Российской империи. Изд. 1893 г. (СЗ 1893). (по Прод. 1906 г.). Т. 7. Устав горный. Ст. 93.

⁵ ПСЗ-III. Т. 6. № 3769; СЗ 1893. Т. 11. Устав промышленный. Ст. 97–99.

⁶ Там же. Т. 12. № 8402. Ст. 7, 10.

⁷ Там же. Т. 19. № 17122.

Уральское горное управление. Екатеринбург. Фото начала XX в.

Случаи нарушения порядка расчетов с рабочими участились в начале XX в. в связи с охватившим тогда Россию и особенно Урал промышленным кризисом, вызванным перепроизводством железа и падением цен на внутреннем рынке. По сведениям Уральского горного управления, в 1899–1905 гг. задержки заработной платы наблюдались в Богословском горнозаводском округе, в 1902 г. случались «неаккуратные расчеты» на Ревдинском заводе, в 1905–1907 гг. в Кыштымском округе вместо денег рабочим выдавали заработную плату «припасами и железом», в 1907 г. в Нижнетагильском округе практиковался «отпуск товаров и припасов за счет заводоуправления из частных лавок», в конце 1907 г. и первой половине 1908 г. в Катавском округе «выдавались талоны на потребительскую лавку и на частных торговцев», в 1908 г. то же происходило в Сергинско-Уфалейском округе, в октябре 1908 г. – в Верх-Исетском, а в Невьянском округе со второй половины 1908 г. «на расчет рабочих было секвестровано золото»⁸. Более подробные сведения обнаружены по трем крупнейшим горнозаводским округам Урала – Сергинско-Уфалейскому, Богословскому и Нижнетагильскому. Они характеризуют деятельность окружных инженеров по защите интересов рабочих и позволяют оценить их возможности с помощью самих участников событий.

Case 1: Сергинско-Уфалейские заводы

В 1897 г. в газете «Урал» была опубликована анонимная статья, обвинявшая управление Верхнесергинского завода, входившего в состав Сергинско-Уфалейского горнозаводского округа, «в некоторых противоправных действиях». Речь, в частности, шла о принуждении рабочих забирать товары из местной потребительской лавки в счет заработной платы. Окружной инженер Западно-Екатеринбургского горно-административного округа, в чьем ведении находились упомянутые заводы, незамедлительно получил предписание Уральского горного управления «проверить тщательно на месте правдивость помещенного в статье». Прибыв на завод в январе 1897 г., он навел справки в управлении и выяснил, что «во всех семи заводах названного округа, в том числе и Верхнесергинском, рабочие рассчитываются платою через каждые две недели постоянно наличными деньгами, на которые они без всякого стеснения от заводоуправления могут приобретать товар, когда пожелают, в общественной лавке или у местных торговцев». Управитель завода В.Е. Пшеницын, «снисходя нуждам рабочих», и под свою личную ответственность производил даже выписки

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 27–27 об.

денег «в промежуточное между расчетами время». «На свой страх и риск» он также позволял учетчикам «делать рабочим выписку товаров из общественной лавки на суммы, не превышающие их заработка». «Такая выписка товаров производится всегда по желанию самих рабочих, а не по принуждению их к тому заводоуправлением», – констатировал проверяющий. То же подтвердили волостной старшина и 76 опрошенных рабочих пудлингового цеха, которые «на вопросы инженера единогласно отвечали: расчетами заводоуправления довольны, никаких притеснений с его стороны не видим, расчетов с нами управитель заводов не затягивает, брать товар в общественной лавке не принуждает, они выписывают его из лавки по собственному желанию». «Корреспонденция представляет собой наглую ложь, за которую автора ее, по всей справедливости, следует привлечь к уголовной ответственности», – резюмировал окружной инженер свои наблюдения. Появление статьи он приписал купцам Борисову и Савскому и объяснил «неудовольствием местных торговцев, для которых лавка общества потребителей представляла значительную конкуренцию»⁹. Так обстояли дела в конце XIX в. в одном из крупных уральских горнозаводских хозяйств, принадлежавшем Товариществу Сергинско-Уфалейских заводов, которое было создано в 1881 г. финансовыми фирмами Мейеров и Гинцбургов.

Верхнеуфалейский завод. Фото 1907 г.

Но прошло всего несколько лет, и положение существенно изменилось. Окружной инженер В.О. Бронаковский констатировал, что трудности со сбытом заводской продукции вынудили Главное правление Товарищества в Санкт-Петербурге уже в 1902 г. «сбавить жалование служащим и задельную плату рабочим до 20 %, обещая возратить эту сбавку с улучшением экономического положения». Однако, поскольку этого не последовало, долг рабочим стал накапливаться и к 1906 г. достиг 800 тыс. руб., несмотря на то, что «рабочие постоянно выступали с претензией возратить им упомянутую сбавку и устраивали ежегодно забастовки, вводящие расстройство в дела заводов». «Заводы Товарищества находятся в критическом положении за совершенным отсутствием оборотных средств, под угрозой необходимости прекращения заводского действия и связанного с ним лишения

⁹ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 395. Л. 1–1 об., 5–10 об.

средств существования многочисленного горнозаводского населения», – свидетельствовало Главное правление, возглавляемое Д.Г. Гинцбургом, в августе 1906 г. «В экономическом отношении местное население, достигавшее 51 тыс. чел., находится в полной зависимости от существования заводов, – вторил Правлению окружной инженер. – При закрытии заводов... неминуемо наступит голодовка, ибо по местным условиям сельское хозяйство не развито»¹⁰.

Выяснилось, что главная причина критического положения заводов заключалась в большой задолженности Товарищества, которое при высокой учетной ставке (тогда она составляла 9 %) не могло получить дополнительных кредитов и в то же время только в виде процентов на уже занятый для оборота капитал вынуждено было ежегодно выплачивать около 451 тыс. руб. «При ненормальном падении цен на металлы, особенно на кровельное железо, несмотря на солидное оборудование предприятия, – констатировали горные чиновники, – Сергинско-Уфалейским заводам, как и другим уральским заводам, тяжело было оправдать столь значительные проценты и невозможно было дать еще излишек – чистую прибыль акционерам». Они поддержали просьбу Главного правления дать заводам ссуду в размере 1 585 тыс. руб., из которой правление предполагало 800 тыс. руб. направить на расплату с рабочими в течение четырех месяцев, а за счет остальных средств рассчитаться по текущим долгам со своими крупнейшими кредиторами – частным Нижегородско-Самарским и Государственным банками. Видимо, помощь в 1907 г. оказало заводам не государство, а ипотечный банк, где уже были заложены заводы, предоставив Правлению дополнительную ссуду в размере 850 тыс. руб.¹¹ Она, скорее всего, ушла на расчет с тем же банком и частичное погашение долга рабочим, лишь на время отсрочив финансовый крах.

Через год главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский – руководитель Уральского горного управления – уведомил, что положение Товарищества за последнее время ухудшилось настолько, что оно прекратило всякие платежи, и с 15 октября 1908 г. над делами его учреждена Администрация. «Ухудшение это я усматриваю главным образом в большой задолженности заводов, при которой одних процентов и расходов по займам приходится уплачивать... до 600 тыс. руб. ежегодно», – полагал он¹². Как правило, такое решение об организации своего рода «антикризисного управления» принималось властями в случае банкротства компании, но при наличии перспективы поправить финансовое положение с помощью ее кредиторов. В противном случае назначалось конкурсное управление, тоже составлявшееся из кредиторов, но предназначенное для продажи имущества на покрытие долгов.

Это событие совпало с новым обострением отношений между заводоуправлением и рабочими. 16 октября окружной инженер получил две телеграммы от рабочих Нижнеуфалейского завода. В первой они сообщали, что управляющий не выдает им расчета, в результате чего рабочие бедствуют, «не имея пропитания и одежды»; во второй содержалась просьба приехать на завод «для обсуждения вопроса о задержке расчета». Прибыв на завод, В.О. Бронаковский получил прошение, подписанное 57 рабочими, в котором они объяснили, что уже два месяца не получали заработную плату. «Ввиду плохих денежных расчетов, – писали рабочие, – мы не находим средств пропитываться... и даже не на что купить необходимые для нас фураж, чай и сахар... В силу этого приходится идти к нашим купцам. Последние не дают по купону (выписка из расчетных книжек рабочих. – Е.Н.) денег и предлагают товаром, который приходится брать дороже, чем можно было бы купить на деньги. А если станешь просить скидку на товар, который нам нужен, торговец говорить не хочет, а только скажет: ступай и покупай в другой лавке. Но ведь в другой лавке также к нам относятся, как и в первой. И в силу неимения денег приходится брать нужное по той цене, которую просит торговец». «Всепокорнейше прибегаем к Вам с просьбой, будьте столь добры войти в наше бедственное положение, помогите нам, темным людям, продолжить нашу скромную жизнь», – заключали рабочие свою жалобу. С подобной же просьбой обра-

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1320. Л. 1–4 об., 20–25 об.

¹¹ Там же. Л. 30.

¹² Там же. Л. 57–58.

тились к инженеру и рабочие соседнего Михайловского завода. «Рабочие забастовкой не угрожают, – сообщал В.О. Бронаковский, – напротив, опасаются, чтобы Товарищество не сократило производство на заводах»¹³.

Верхнеуфалейский завод. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Управляющий Уденберг не стал скрывать от окружного инженера двухмесячную задолженность перед рабочими, достигавшую 150 тыс. руб., сообщив, что уже сам неоднократно обращался в Главное правление, которое занималось финансированием заводов. Сменившая акционерное управление Администрация «утешила» рабочих как раз в это время поступившим сообщением, что не намерена останавливать заводы, но расчеты она собиралась производить лишь с 20 октября, т. е. со времени своего вступления в управление, а более ранние долги обещала удовлетворять лишь «по мере средств». В такой ситуации В.О. Бронаковский обратился к доверенному лицу Товарищества в Екатеринбурге П.П. Шалаеву, который «обещал снабжать хлебом и провиантом всех находящихся на работах в заводе» и 28 октября даже посулил выслать деньги для расчета с рабочими за последнюю неделю. Одновременно окружной инженер считал необходимым «для успокоения рабочих» ходатайствовать перед директором Горного департамента «о содействии», что было разрешено делать, помимо регионального горного начальства, с февраля 1907 г.¹⁴ Сочтя свою миссию выполненной, он вернулся в свою резиденцию в Екатеринбурге.

Однако 11 ноября в 10 часов ночи В.О. Бронаковский получил от управляющего Нижнесергинского завода Гросмана срочную телеграмму с просьбой прибыть на завод «по недоразумению расчетов с рабочими». Предварительно он встретился с П.П. Шалаевым и членом Администрации Н.Ф. Магницким и «просил их изыскать во что бы то ни стало деньги для расчетов», а сам 13 ноября отправился в округ. Прибыв туда на другой день, он узнал, что его переговоры не остались безрезультатными: деньги были уже отправлены в Нижнесергинский, Атигский и Верхнесергинский заводы (35 тыс. руб.) и только «для Михайловского завода денег не хватило».

16 ноября ответственный окружной инженер отправился на это предприятие и встретился там с рабочими. Они сообщили, что уже просили Администрацию «рассчитать их по крайней мере железом», но получили отказ. В.О. Бронаковский установил, что «крайняя нужда» михайловских рабочих проистекала, «с одной стороны, от того что завод с малочисленным населением, его обслуживающим и питающимся почти исключительно заработками при

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1320. Л. 41–42.

¹⁴ Там же. Л. 37–39.

нем, был лишен последних в течение двух с половиной месяцев, т. к. был остановлен с 8 июня по 27 сентября и пущен только наполовину в действие с 27 сентября по 12 ноября, т. е. на полтора месяца; а с другой стороны, хлеб, посеянный рабочими на имеющихся у них пашнях, вследствие холодного и дождливого лета и разных заморозков, не созрел и скошен на корм скоту». Он сразу же отправил телеграмму директору Горного департамента с известием о задержке. Но на следующий день, 17 ноября, к нему «явились... опять рабочие и заявили, что вся мука, которая имелаась... ими сейчас разобрана под заработанные купоны на 1,5 тыс. руб., а в общественной лавке провианта давно нет, и остальные торговцы под заработанные купоны не дают товара, и им угрожает голод». Инженер отправил вторую телеграмму в Санкт-Петербург «с ходатайством о продовольственной ссуде», а управитель завода М.М. Бер составил телеграмму в адрес Администрации: «Крайне необходимо немедленно 3 тыс. руб., хоть утолить острую нужду голода. Переведите телеграфом. За поведение рабочих не ручаюсь». Вечером того же дня на завод поступило 5 тыс. руб. от уполномоченного Администрации¹⁵.

Нижнесергиский завод. Фото начала XX в.

Горный департамент откликнулся лишь в конце февраля 1909 г. Директор Н.Н. Курмаков интересовался, «какие меры принимались и принимаются ввиду задержки заработной платы рабочим». В.О. Бронаковский напомнил, что за прошлый год отправил на имя директора четыре телеграммы «о воздействии на Петербургское правление Товарищества, т. к. неоднократные его требования в то же Правление телеграммами и письменно оставались без ответов». Три подробных рапорта были направлены им в тот же Департамент и в Уральское горное управление. «Независимо от этого, – докладывал инженер, – рабочим рекомендовано было мною обратиться за взысканием долгов через земского начальника в окружной суд», как следовало поступать по закону в случае нарушения трудового договора. Но рабочие, видимо, не решились на такой серьезный шаг, ограничиваясь новыми просьбами к окружному инженеру. Как сообщал В.О. Бронаковский, только за два прошедших месяца 1909 г. рабочие уже трижды «относились к нему по телеграфу и письменно». Он в ответ «обращался лично здесь в Екатеринбурге в Администрацию по делам Сергинско-Уфалейских заводов, которая обыкновенно принимала меры и выдавала деньги для расчетов, задерживая последние на месяц или полтора». Инженер уведомлял рабочих о времени обещанных Администрацией расчетов телеграфом или письменно объявлял об этом «через волостное правление». В настоящее время, рапортовал он, на некоторых заводах рабочие были рассчитаны только по 15 января. Администрация обещала сделать залог металлов в Государственном

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1320. Л. 62–66 об.

банке в конце февраля или начале марта и «принять все меры, чтобы от этого залога по возможности удовлетворить рабочих»¹⁶.

Кроме этих действий, Администрация подала четыре прошения на имя председателя Совета министров и министра торговли и промышленности о выдаче ссуды на этот раз всего в 500 тыс. руб. В.О. Бронаковский, а вслед за ним и П.П. Боклевский, сочли возможным предоставление ссуды, однако главный начальник все-таки признал ее «несколько рискованной» ввиду «настоящего кризиса по сбыту уральского железа». Он решил, что вместо казны дополнительную ссуду мог бы вновь дать заводам тот же Нижегородско-Самарский банк, где уже был заложен Сергинско-Уфалейский округ, поскольку в свое время ссуда была предоставлена по заниженной оценке десятины земли. «Тогда и не явилось бы надобности в правительственной ссуде, и я не понимаю, почему банк отказывает в ссуде», – недоумевал П.П. Боклевский.

Видимо, в Санкт-Петербурге было решено поступить именно так, как советовал главный начальник. В апреле 1910 г. Администрация обратилась в Горный департамент с ходатайством о выдаче свидетельства «о неимении препятствий к получению из Нижегородско-Самарского банка дополнительной под залог имения ссуды в 1 млн руб.» П.П. Боклевский, к которому обратились за подтверждением возможности залога, обусловил его «обязательством Администрации... немедленно по реализации закладных листов, уплатить все долги рабочим, поставщикам и потребительским обществам, образовавшиеся не только за время существования Администрации, но и до ее учреждения»¹⁷.

Однако платить «не свои» долги Администрация, видимо, не спешила. В январе 1911 г. на запрос Горного департамента В.О. Бронаковский отвечал, что долги по всем заводам округа «по мере возможности уплачиваются», но к началу года все еще достигают 148 тыс. руб. Через год от директора Департамента пришло распоряжение, в котором он от лица министра торговли и промышленности призвал главного начальника «не отказать принять все зависящие меры к понуждению Администрации... к исправной выдаче заработной платы». Видимо, решив, что со своей стороны центральные власти уже сделали все возможное, они подталкивали региональное горное начальство к более решительным действиям. На 28 января 1912 г. была назначена встреча П.П. Боклевского с председателем Администрации, находившимся в Екатеринбурге. Там и выяснилось, что со времени учреждения Администрации в октябре 1908 г. прежний долг рабочим сократился со 167 080 руб. до 71 132 руб., да и самим «антикризисным управлением» с того момента было уплачено рабочим и служащим 6 610 709 руб. из заработанных ими 6 744 943 руб. Это означало, что оно уплатило 57,43 % «доадминистративного долга», задолжав рабочим за время своего существования только 1,98 %, хотя в абсолютных цифрах «административный долг» составил все-таки немалые 134 234 руб. «Эти данные наглядно доказывают, – заявил главный начальник, – что Администрация делает все, что только для нее возможно, чтобы не остановить работы, улучшить положение заводов, с чем только и связано благосостояние рабочих». «Поэтому, я со своей стороны могу только выразить одобрение Администрации и жалобы на задержку плат считать необоснованными, – писал он. – Следует подумать о том положении, которое наступило бы для рабочих, если бы по их претензиям Администрация превратилась бы в Конкурс, причем заводы пришлось бы остановить»¹⁸.

Как свидетельствуют специалисты, возросшие доходы с 1912 г. привели к постепенной стабилизации финансового положения Сергинско-Уфалейского округа. Это позволило завершить начатую еще в 1906 г. финансовую реорганизацию, сопровождавшуюся сменой состава акционеров, и расплатиться по долгам рабочим. В январе 1916 г. окружной инженер рапортовал, что «за Администрацией долгов служащим, рабочим, поставщикам и потребительским обществам не осталось»¹⁹.

¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1320. Л. 73–75.

¹⁷ Там же. Л. 78–81, 83–85, 87–89.

¹⁸ Там же. Л. 94–99.

¹⁹ Там же. Л. 136.

Case 2: Богословский горнозаводский округ

В начале XX в. Богословский округ представлял собой крупное горнозаводское хозяйство, в 1895–1896 гг. преобразованное в Богословское горнозаводское общество, 98 % акций которого принадлежало Н.М. Половцовой, приемной дочери банкира А.Л. Штиглица и жене государственного секретаря А.А. Половцова. Правление Общества располагалось в Санкт-Петербурге, а в Богословске действовало окружное управление, которому подчинялись правления отдельных предприятий, входивших в состав округа.

Первые видимые признаки финансового неблагополучия в округе совпали с первыми симптомами начавшегося общего экономического кризиса. В апреле 1901 г. окружной инженер А.А. Желиговский отметил в своем рапорте в Уральское горное управление, что «порядок своевременного производства расчетов с рабочими в Богословском округе слишком часто нарушается... вследствие чего некоторые рабочие кредитуются у разных торговцев деньгами и товарами, закладывая им свои расчетные книжки для последующего получения непосредственно торговцами денег по этим книжкам из контор округа». В марте 1902 г. министр земледелия и государственных имуществ получил жалобу от рабочих Сосьвинского завода «на неправильности при производстве расчета», что вскоре подтвердили как окружной инженер, так и верхотурский исправник. Задержки, сообщали они, составляют от месяца до двух, хотя по закону выплаты должны производиться каждые две недели. В апреле 1903 г. А.А. Желиговский секретно известил главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского «о возникновении в округе злонамеренной агитации, имевшей, по видимому, целью воспользоваться несвоевременной выплатой заработка рабочим как средством обострения отношений рабочих к администрации округа»²⁰.

На Урале - Богословский Металлургический завод. Вид с боку.

Богословский завод. Фото начала XX в.

«Ввиду постоянных задержек расчета рабочих, покорно прошу озаботиться немедленным переводом заводоуправлению достаточной суммы денег для выдачи полностью заработка рабочим к празднику Пасхи», – телеграфировал обеспокоенный П.П. Боклевский Правлению Богословского горнозаводского общества. Председатель Правления П.С. Хитрово не задержался с ответом, но назвал упреки горного начальства «совершенно неосновательными и крайне обидными для Общества». В доказательство приводилась таблица сроков расчетов за август 1902 – март 1903 г., из которой следовало, что только в январе и феврале случилась небольшая задержка заработной платы, вызванная «не возмещением правительством значительных затрат средств, производимых Обществом на постройку Богословской железной дороги». При этом Правление заверяло, что сделает все возможное для того, чтобы в праздник рабочие не остались без денег, присовокупив, что, по сообщению окружного управления, никаких жалоб с их стороны на неправильный расчет или задержку денег не было²¹.

²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1315. Л. 12–13.

²¹ Там же.

На ответ Правления в июне 1903 г. отреагировал окружной инженер. «Конечно, – писал А.А. Желиговский, – задержку расчетов в Богословском округе нельзя математически точно назвать постоянной, так как в этом отношении бывают и благоприятные отступления». Но случившиеся «правильные расчеты» являлись не столько следствием стабильной работы предприятий округа и эффективности его управления, сколько результатом получения крупных казенных авансов за предоставленные железнодорожные заказы, или следовали за «настойчивейшими требованиями» самого окружного инженера. Если же «взять в соображение не отдельные периоды в месяцах, а целый ряд лет, хотя бы с 1899 г. (в этом году был образован Северо-Верхотурский горно-административный округ, главой которого и являлся А.А. Желиговский. – Е. Н.), то за это время задержка в расчетах представляется явлением более постоянным и в меньшей только степени прерываемым расчетами своевременными», – констатировал инженер. Он сообщил, что расчет за первую половину марта был произведен 4 апреля, т. е. в Страстную Пятницу, когда, по наблюдению инженера, «достойное поощрения религиозное чувство рабочих влечет их на молитву в Храм Божий, а не в расчетные конторы». Указание же Правления на отсутствие жалоб со стороны рабочих «на неправильный расчет или задержку денег» показалось инженеру не вполне корректным. «О неправильности расчетов вопроса в данном случае не возникало, – уточнял он, – а о задержке расчетов жалобы рабочих на управление, я полагал бы, и не могли поступать в то же управление. К тому же, отсутствие жалоб рабочих ничего не доказывает, а равно ничего и не гарантирует»²².

Вскоре ироничный тон рапортов А.А. Желиговского изменился. Когда в октябре – ноябре ситуация не улучшилась, он уже с полным правом назвал задержки «постоянно практикуемыми» и потребовал от управляющего округом «безотлагательно принять действенные меры» к их устранению. Вместе с тем, он уведомил П.П. Боклевского о том, что единственным средством получить наличные деньги для управляющего были продажа золота, добываемого в округе в небольшом количестве, и залог небольшой части железа и меди в Екатеринбургской конторе Государственного банка, поскольку все основные продажи изделий заводов проходили через Петербургское правление. Поэтому «при неисправности Правления в переводе денег для насущнейших потребностей округа, эти потребности не могли быть удовлетворены средствами, полученными на месте». По данным на 12 ноября 1903 г., рабочим крупнейшего Надеждинского завода Богословского округа задолжали 28 315 руб. за сентябрь и 34 571 руб. – за октябрь, а потребителю обществу за отпущенные рабочим припасы – 58 673 руб. «По частным сведениям», жалование за август было выдано лишь тем из служащих, месячный оклад которых не превышал 75 руб. «Жалобы на задержку, – пояснял инженер, – заявляют мне в исключительных случаях и то рабочие лесничества... заводские и рудничные рабочие только некоторые перед праздниками Рождества Христова и Святой Пасхи приходят ко мне, вернее, не с жалобой, а с просьбой настоять, чтобы перед этими праздниками расчет им был произведен полностью, в остальное же время жалоб от них не поступает». Однако, полагал он, «рабочие не могли не знать, что задержка в расчетах... является противозаконной и так как это нарушение закона продолжает повторяться, то у рабочих неизбежно должна возникнуть мысль о попустительстве и бездействии со стороны местного горного надзора. Предположения подобного рода появились в текущем году также и в одном из екатеринбургских органов печати», – добавлял он²³.

При этом, как стало известно окружному инженеру «от лиц заводской администрации» при осмотре Надеждинского завода, там «предполагаются и начаты уже работы по новым очень значительным постройкам». Дорогостоящие работы по переоборудованию, происходящие на фоне задержек выплат, по мнению представителя горного надзора, «не могли не возбуждать недоумения среди рабочих, разных толкований и подозрений... и не содействовать нарушению добрых отношений рабочих и заводоуправления, подрывая доверие к ближайшему правительственному надзору... и авторитет и влияние представителей местной

²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1315. Л. 8–11 об.

²³ Там же. Л. 23–26.

власти». «В интересах самого предприятия и тесно связанного с ним местного рабочего населения, как равно в интересах казны и самих же владельцев округа – акционеров Богословского горнозаводского общества», окружной инженер предлагал главному начальнику «возбудить вопрос о необходимости учреждения предварительного правительственного контроля над денежным хозяйством Правления Общества в связи с предполагавшимися расходами по переустройству и расширению производств округа»²⁴.

Получая тревожные рапорты окружного инженера, П.П. Боклевский неоднократно обращался в Горный департамент, указывая на «бессилие власти» перед управлением частного округа. «В законе не указано никаких мероприятий, которые гарантировали бы правильность уплаты рабочим денег и, кроме того, даже не указано, как поступить, если бы заводоуправление совсем не уплатило рабочим причитающегося им заработка», – констатировал он. Предусмотренное законодательством взыскание денег «установленным судебным порядком» он считал возможным в случае, когда заработную плату своевременно не получали «один, два или небольшое количество рабочих», а не все рабочие завода. Ждать решения суда было долго, а пока «идут суд да дело» могли «возникнуть серьезные беспорядки». Он предлагал «ввести законодательным путем» возможность ареста и продажи с торгов «заводских произведений» для расплаты с рабочими, как это практиковалось в случае задержек расчетов золотопромышленников с работниками.

В ответ директор Горного департамента Н.А. Иосса вынужден был констатировать, что «закон не допускает возможности секвестра для уплаты рудничным и заводским рабочим горных произведений, за исключением золота», и предложил лишь «принять соответствующие меры к уплате приисковым рабочим, если таковые... тоже не удовлетворены платой». Не вдаваясь в подробности, он сообщил, что сделал «надлежащие сношения» с министерствами внутренних дел, путей сообщения и финансов «по вопросу о изыскании мер к своевременному удовлетворению рабочих Богословского округа заработной платой»²⁵.

*Н.А. Иосса, директор Горного департамента
(1900–1907)*

Пока министерства занимались «изысканием мер», положение Богословского округа только ухудшалось. В январе 1904 г. А.А. Желиговский сообщал, что заводоуправление задолжало рабочим уже 215 тыс. руб. и лавкам – 236 тыс. Более того, торговцы «за неисправным получением денег от управления округом и сами нуждаясь в деньгах для предстоя-

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1315. Л. 23–26.

²⁵ Там же. Л. 21–22, 27–27 об., 31, 38.

щей Ирбитской ярмарки», стали отказывать рабочим в выдаче даже части денег под залог расчетных книжек, как делали раньше. «Отсутствие кредита создает для рабочих положение крайне тяжелое и от них начинают поступать ко мне жалобы, для удовлетворения которых я не имею никаких средств в своем распоряжении», – констатировал окружной инженер. Все это, предупреждал он, вызывало «возросшее недовольство рабочих, которое из молчаливого и пассивного могло перейти и в активное»²⁶.

Первые признаки этого перехода обозначились 8 марта 1904 г., когда рабочие Надеждинского завода после дневной смены «толпой пришли в заводскую контору и просили управляющего произвести с ними расчет, причем не довольствовались обещаниями удовлетворить их расчетом в недалеком будущем, а просили точно назначить срок уплаты». «Хотя настояния рабочих не сопровождались угрозами или нарушением порядка, – свидетельствовал А.А. Желиговский, – но из задних рядов толпы слышались одиночные возгласы рабочих, что деньги им нужны и что они их заработали». Это выступление возымело действие: уже на следующий день управляющий округа Н.И. Владыкин, заручившись сведениями от Правления, объявил рабочим, что «деньги высланы переводом из Санкт-Петербурга», а 10 марта начались выдачи. Всего в округ тогда поступило 295 тыс. руб., что временно разрядило ситуацию. Но, по подсчетам окружного инженера, к близившейся Пасхе следовало перевести еще 150 тыс. руб.

Ситуация несколько разрядилась после получения ссуды из Государственного банка в размере 1,2 млн руб., которую санкционировал император в апреле 1904 г. По ее условиям часть денег должна была пойти «на уплату задельной платы рабочим и жалования служащим», что на время приостановило рост социальной напряженности в округе, но не устранило причину задержек – растущие долги Общества, а следовательно и возможность повторения прежней ситуации.

Уже в сентябре 1904 г. и феврале 1905 г. министру внутренних дел были поданы прошения рабочих Сосьвинского завода на новые задержки. Инициированное главным начальником «негласное дознание» по этим жалобам провел сменивший переведенного на другую должность А.А. Желиговского окружной инженер Н.С. Ставровский. Он подтвердил, что «желающим производятся выписки в счет заработка» для получения товаров из заводского магазина и потребительской лавки, но никакой «принудительности» при этом не наблюдалось. Однако ограниченный выбор товаров из этих лавок стал основанием для просьбы рабочих разрешить запрещенную прежде практику использования этих «выписок» в счет заработка «в вольных лавках», но она была отклонена как «недопустимая по закону». Позже окружной инженер все-таки разрешил эту практику в случае, если торговцы соглашались отпускать товары по утвержденным им таксам²⁷.

Понятно, что такие решения не успокоили рабочих, а когда в начале октября наличных денег в кассе совсем не оказалось, сам управляющий округом обратился к окружному инженеру и главному начальнику с просьбой «довести до сведения министра финансов по телеграфу» о том, что «без помощи извне управление бессильно изменить ситуацию». Выполняя эту просьбу, Н.С. Ставровский добавил от себя, что положение в округе «крайне серьезное, средства исчерпаны уплатой оставляющих округ сезонных рабочих, а промедление в расчете рабочих и служащих может вызвать крупные беспорядки». Отклик П.П. Боклевского не оставил надежды: «Ничего предпринять не могу. Хлопочите в Министерстве»²⁸.

В конце октября в Надеждинске прошли политические демонстрации, вылившиеся в забастовку рабочих. Будучи кратковременной, она не нанесла непоправимого ущерба хозяйству, но, безусловно, обострила ситуацию и явилась прямым доказательством неотложности мер по восстановлению финансовой дееспособности округа. Сам главный начальник уральских заводов отмечал, что на ситуации в округе «очень вредно... отозвались военные обстоя-

²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1315. Л. 42–44, 49–50.

²⁷ Там же. Л. 59–59 об., 69, 71–73 об., 87–90.

²⁸ Там же. Л. 93.

тельства, забастовка рабочих, кратковременная, тоже, несомненно, повлияла дурно, но не очень сильно». «Хуже всего, – констатировал он, – недостаток оборотных средств. Отношениям с рабочими... крайне вредит задолженность. Рабочие около половины пришлые... всего их 12 тыс.»²⁹.

И на этот раз положение отчасти спасла новая экстренная ссуда из Государственного банка в размере 550 тыс. руб., которой добилось Правление в Санкт-Петербурге. В отличие от предыдущей она была предоставлена на необычных условиях: предназначалась исключительно для расплаты с рабочими и служащими, распределение денег возлагалось на окружного инженера, а не на частное управление, которому было предписано «возбудить ходатайство об учреждении Администрации по делам Общества», т. е. фактически признать банкротство акционерной компании и образование «антикризисного управления»³⁰. Администрация открыла свои действия 22 ноября 1905 г. и первым же делом стала добиваться «восстановления кредита». «Лично буду Вам крайне благодарен, – писал вошедший с состав администраторов П.С. Хитрово окружному инженеру, – если поможете начальствующим лицам понять весь трагизм положения округа в настоящем»³¹.

Дело в том, что за счет полученной ссуды удалось уплатить долг служащим только по август и рабочим – по сентябрь 1905 г. По свидетельству же управляющего, общая задолженность на 1 октября достигала 900 тыс. руб. Когда к середине ноября выдача денег, полученных по ссуде, закончилась, а кредит не был восстановлен, окружной инженер и управляющий вновь стали требовать решительных действий от Правления, а затем и Администрации.

В безвыходной ситуации Н.И. Владыкин счел возможным лично обратиться к председателю Совета министров С.Ю. Витте, а рабочим предложил подать прошение самому Николаю II. Только «надежда на благоприятный ответ удерживает население от крайних поступков», свидетельствовал окружной инженер. Он, в свою очередь, решил обратиться к П.П. Боклевскому, как к «старшему и опытному товарищу», с личным письмом, в котором образно описал ситуацию в округе, предпринимаемые и предлагаемые им меры. Он пояснил своему начальнику, волновавшемуся за подготовку выборов в Государственную думу, что вовсе не это занимает сейчас многотысячное население Богословского округа. «Здесь денежный вопрос на первом месте, – писал окружной инженер 1 марта, – платы задерживаются, ибо переводов не имеется». Деньги, переведенные в его распоряжение в «памятные октябрьские дни» для уплаты долгов рабочим и служащим, «моментально разошлись». «Следующие деньги явились лишь к праздникам (имелось в виду Рождество. – Е.Н.), а потом – уже после Масляной, – уточнял он. – ...Всего через мои руки прошло с лишком 964 тыс. руб., а долгу рабочим и служащим – еще около 900 тыс. руб.» Н.С. Ставровский сообщил, что ему «приходится непрерывно успокаивать рабочих». «Я искренне удивляюсь добродушию здешних рабочих и их терпеливости, – делился своими впечатлениями инженер, до своего последнего назначения служивший в Уфимской губернии, – на юге Урала, например, при таких условиях, наверное, камня на камне не осталось бы. Сам я тоже, несмотря на выдержку, начинаю нервничать...» В итоге своих размышлений инженер пришел к убеждению, что «с Администрацией нашей дело не наладится, и что наилучшим исходом было бы учреждение правительственной опеки... которая, несомненно, повела бы дело иначе, да и стоила бы дешевле». «Много раз я хотел просить разрешения Вашего превосходительства для того, чтобы приехать в Екатеринбург и лично доложить, но при известных обстоятельствах приходилось и приходится оставить эту мысль, ибо невозможно поручиться за завтрашний день», – закончил он свое послание главному начальнику, прося поддержать его предложение. П.П. Боклевский не остался равнодушным к столь необычному и вызванному неподдельным беспокойством «воззванию» окружного инженера и 20 марта 1906 г.

²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1315. Л. 93.

³⁰ Там же. Ф. 50. Оп. 2. Д. 280. Л. 8, 21, 42–44.

³¹ Там же. Л. 17, 18, 113, 128–141.

отправил собственное письмо директору Горного департамента Н.А. Иоссе с теми же оценками и предложениями³².

Совместные усилия всех участников привели к тому, что еще в декабре – январе начались первые переводы денег в округ, которые Н.С. Ставровский, как и прежде, должен был получать и распределять между рабочими и служащими. Администрация сумела все-таки восстановить кредит в Государственном банке под залог продукции Богословских заводов, не прекративших в такой сложной ситуации своей работы. Подтоварная ссуда, выданная частями с октября 1905 г. по апрель 1906 г., составила в итоге 2 204 250 руб. По словам окружного инженера, за ее счет «удалось погасить острую нужду и теперь настроение рабочих удовлетворительное»³³.

Отметим, что «антикризисное управление» Богословским округом продлилось еще шесть лет. За эти годы округ пережил немало драматических событий, включая забастовки рабочих, вызванные жесткими мерами Администрации. Однако новой денежной помощи от государства, судя по всему, округ больше не получал, обходясь собственными силами и средствами. В 1909 г. П.П. Боклевский утверждал, что именно «собственные естественные богатства округа» помогли справиться с трудностями³⁴. Безусловно, способствовала преодолению финансового неблагополучия и постепенно восстановившаяся благоприятная конъюнктура рынка металлов в стране. В августе 1912 г. новый окружной инженер П.В. Приходько уже констатировал, что «в настоящее время Богословский округ настолько поправился в финансовом отношении, что без заметного ущерба...» мог продолжить реконструкцию³⁵. В том же году, «за восстановлением дел», Администрация возвратила управление округом Богословскому горнозаводскому обществу, которое вскоре осуществило реструктуризацию своих долгов с участием банковского синдиката³⁶.

Case 3: Нижнетагильский округ

В крупнейшем Нижнетагильском округе наследников П.П. Демидова князя Сан-Дonato подобная ситуация сложилась в 1909 г., когда министру торговли и промышленности В.И. Тимирязеву поступил запрос из Государственной думы по поводу «хронической» задержки заработной платы рабочим и жалования служащим демидовских заводов, что не только нарушало действующее законодательство, но и было чревато обострением социальной напряженности.

В ходе следствия, инициированного министром, выяснилось, что задержки заработной платы начались на заводах еще в 1907 г., но благодаря торговой лавке Общества потребителей, снабжавшей рабочих в счет их заработка «предметами первой необходимости» по таксе, утвержденной окружным инженером Южно-Верхотурского горно-административного округа Л.Г. Кихлером, они «особенного недовольствия рабочих не вызывали». Как впоследствии отмечали представители рабочих, «имевшие сбережения от доброго старого времени начали расходовать эти сбережения, а неимущие пробивались кредитом, который был открыт им в это тяжелое время Обществом потребителей в усиленном размере». Однако в январе 1908 г. лавка, не получая от заводоуправления долгов за товары, отпущенные рабочим в кредит, «вынуждена была отказать в дальнейшем отпуске». В то же время «расчеты по заработной плате стали еще неаккуратнее», в результате чего сложилось критическое положение, при котором рабочие «не могли получить платы ни деньгами, ни припасами». С санкции пермского губернатора А.В. Болотова окружной инженер разрешил снабжение рабочих «по справкам заводоуправления» (талоны или купоны, как их называли на заводах) из частной лавки местного купца А.О. Лошкарева, предупредив его, что «в случае хотя бы одной жалобы рабочих на отпуск им плохого товара», он немедленно отзовет свое разрешение. Однако, про-

³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1315. Л. 123–128 об.

³³ Там же. Ф. 50. Оп. 2. Д. 280. Л. 78–80, 104–105.

³⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 35.

³⁵ Там же. Д. 1315. Л. 209–214.

³⁶ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 208–215.

живая в далекой от Тагила Кушве и лишь иногда посещая демидовские заводы, он не смог наладить действенный контроль. Как утверждали представители рабочих, тогда на всех заводах округа получила распространение «обширная талонная операция», к которой примкнули многие другие торговцы. Но по мере того, как заводоуправление и с торговцами стало расплачиваться не деньгами, а векселями, они не только ограничили отпуск товаров по талонам, но и «стали практиковать скидку», в результате чего «служащие и рабочие теряли значительную часть заработанных своим трудом денег». На заводах появились спекулянты и «подделыватели» талонов, «обнаружить которых было весьма затруднительно»³⁷.

Нижнетагильский завод. Фото начала XX в.

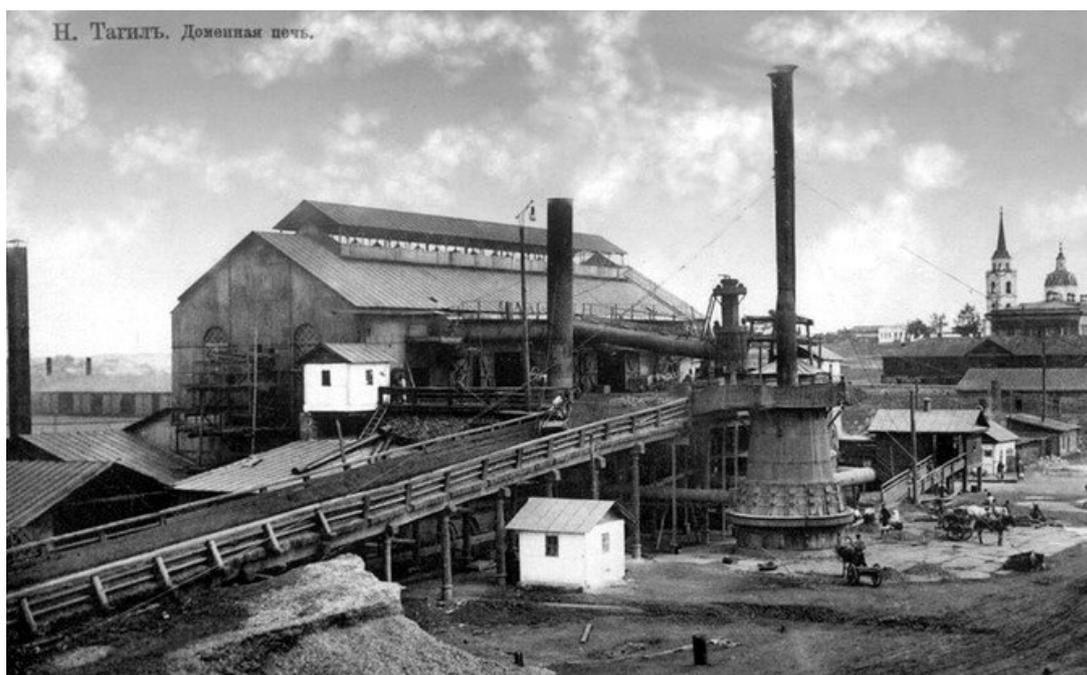
В марте, когда «положение стало еще тяжелее», Л.Г. Кихлер уже напрямую обратился в Петербургское правление наследников П.П. Демидова, прося его председателя А.Н. Ратькова-Рожнова лично приехать на заводы и «удовлетворить рабочих расчетом». В ответ было получено уведомление о том, что Правление «принимает все меры... для чего необходимо присутствие председателя в столице». Лишь после того, как «депутация от рабочих» вместе с окружным инженером побывала в Петербурге и «настоятельно потребовала восстановить нормальные расчеты», к празднику Пасхи на заводы поступило до 300 тыс. руб., что несколько разрядило сложившуюся ситуацию, но не устранило ее причин. «В настоящее время, – сообщал инженер в начале следующего 1909 г., – положение Нижнетагильских заводов остается прежним, а из Петербургского правления идут лишь большие обещания и незначительные переводы денег, нисколько не улучшающие состояние дел». «Весь трагизм положения, – сокрушался впечатлительный чиновник, – заключается в том, что окружной инженер, видя тяжелое и безвыходное положение рабочих, должен вместе с тем сознавать свое полное бессилие изменить и облегчить его, т. к., предъявляя требование уплаты сотен тысяч рублей заработка, он должен стучаться буквально в закрытый карман управления»³⁸.

По свидетельству главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского, которому министр поручил составить отзыв на запрос депутатов, «не имея нисколько оборотного капитала, Нижнетагильские заводы давно уже жили только залогом металлов и полупродуктов в Государственном и частных банках, все более и более запутывая свои денежные дела и расчеты». Он прогнозировал дальнейший рост долга перед рабочими и возможную остановку предприятий к осени 1909 г. «Такая перспектива, – констатировал руководитель регио-

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 11–11 об, 154–154 об.

³⁸ Там же. Л. 12–13 об.

нальной горной администрации, – отлично сознается не только заводоуправлением, но и всеми служащими и рабочими, находящимися в крайне удручающем положении». Однако даже в такой ситуации рабочие вели себя «весьма благоразумно, не производя никаких демонстраций и беспорядков». Они лишь «ежедневно приходили группами со всех заводов в главную контору и неотступно просили о расчете за истекшее время и, особенно, о принятии мер к тому, чтобы им не остаться совсем без работы в будущем». Необходимо заблаговременно позаботиться о том, полагал П.П. Боклевский, чтобы «население не осталось совершенно на произвол судьбы и под влиянием злонамеренной агитации, которая не преминет воспользоваться озлоблением, всегда вызываемым безработицей, чтобы сеять смуту». «Царящее теперь благоразумие и спокойствие, – предупреждал он, – легко может смениться противоположным настроением»³⁹. По опыту Богословского округа главный начальник предлагал «допустить дело до учреждения Администрации», т. е. до банкротства заводов и введения «антикризисного управления»⁴⁰.

Нижнетагильский завод. Фото начала XX в.

Центральное демидовское управление рассматривало в то время другие варианты решения финансовых проблем и сохранения владения округом. Оно, в частности, не исключало продажу права на наиболее ценное платиновое производство округа, «дававшее на рынок $\frac{1}{3}$ мировой потребности», и даже уже получило предложение о покупке от французской компании. Опасаясь, что вынужденная продажа не принесет желаемого эффекта, владельцы и Правление просили государственную ссуду в размере 4 млн руб. «на условиях необычных и внеуставных», т. е. в срочном порядке и с обязательством погасить ее в течение пяти лет «путем ежегодных отчислений 25 % валового дохода, получаемого от платины»⁴¹. Но пока этого не произошло, Петербургское правление решилось лишь на замену управляющего округом: вместо горного инженера Г.А. Маркина был назначен инженер-механик Н.А. Спизарный. По свидетельству Л.Г. Кихлера, хотя рабочие «уже давно не придавали никакой веры обещаниям Петербургского правления», приезд нового управляющего в конце февраля 1909 г. подал им надежду на скорейшее возвращение долгов. О том же писали и уполномоченные. «Всякий отлично понимал, – воспроизводили они настроения среди рабочих и служащих, – что без денег теперь положительно в заводах делать нечего»⁴².

³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 28–30.

⁴⁰ Там же. Л. 33 об. – 35.

⁴¹ Там же. Л. 61–63.

⁴² Там же. Л. 54–58.

Однако Н.А. Спижарный приехал «без копейки денег». В финансовом плане он «получил полномочие лишь на выдачу на 40 тыс. руб. векселей для распределения по потребительским лавкам, дабы восстановить на некоторое время кредит». Был также заключен договор с купцом И.Ф. Уткиным на «бесперывную доставку» муки, перебои с которой уже случались на заводах. «В настоящее время положение дела следующее, – свидетельствовал окружной инженер в марте 1909 г., – денег в кассе нет, торговцы, отпускавшие ранее товары рабочим по талонам заводоуправления, не получая денег, вновь прекратили отпуск товаров, и талоны обращаются лишь среди мелких торговцев, которые, пользуясь безвыходным положением рабочих, учитывают талоны... с удержкою от 20 до 30 % стоимости»⁴³.

Но, как оказалось, целью нового управляющего была не только очередная попытка успокоить людей обещанием денег. Уполномоченные рабочих сообщали, что он «привез с собой... программу своего управления, посредством которой рассчитывал поправить заводские дела». Программа заключалась в «сокращении штатов служащих и рабочих и сбавке плат», а также той части накладных расходов, которые в отчетах назывались «попечительскими». Рабочие вновь отправили ходатаев в Петербург с прошением министру торговли и промышленности. Они предлагали «устранить Демидовых» путем признания их «несостоятельными должниками» и учредить казенное управление для того, чтобы не допустить остановки заводов. При этом не исключалась и возможность оставления заводов в казенном владении. «Нижнетагильский округ по естественным условиям, обилию полезных ископаемых и горючего материала, дешевых сравнительно рабочих рук, нуждается только в одном факторе производства – капитале», – заявляли уполномоченные, не сомневаясь в том, что найдутся «энергичные предприниматели-капиталисты», которым казна «всегда будет иметь возможность передать заводы... на праве собственности или аренды, или иной формы владения... и даже частями при разделе округа по роду производства»⁴⁴.

Судя по имеющейся информации, в правительстве рассматривались все изложенные выше предложения о дальнейшей судьбе демидовских заводов. Имеются даже сведения о том, что не исключалось учреждение казенного управления или передача посессионного Нижнетагильского округа во владение казны «за справедливое вознаграждение». С такими предположениями, в частности, выступил В.И. Тимирязев на заседании Государственной думы 29 апреля 1909 г.⁴⁵ Однако принятие таких ответственных мер, требовавших санкции императора и законодательных органов, было отложено ввиду острой необходимости предоставления первоочередной финансовой помощи населению.

Получив еще первые известия о «тагильском» кризисе, основанные на заслуживающей доверия информации окружного инженера и главного начальника уральских заводов, в конце марта 1909 г. центральные и региональные власти стали оперативно реагировать на разворачивавшиеся в округе события. Министр финансов разрешил увеличить на 250 тыс. руб. норму кредита Нижнетагильским заводам по залогу металлов в Екатеринбургском отделении Государственного банка, ранее установленную в размере 2 млн руб.; 180 тыс. руб. планировалось перевести на счет заводов из «специальных средств», находившихся в распоряжении пермского губернатора. Обе суммы предназначались исключительно для расчета с рабочими и продовольственной помощи нуждающимся. Были организованы комиссии в Нижнем Тагиле и Нижней Салде с участием окружного инженера, местных земских деятелей, полиции и представителей общественности, которые должны были составить списки нуждающихся семей и организовать распределение помощи. Они предложили тогда устроить на заводах временные склады хлеба и использовать для этого деньги, полученные от губернатора. «Если полная остановка заводов произойдет летом, – полагали члены комиссий, – рабочие смогут найти себе заработки и пропитание на стороне; если же остановка

⁴³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 155–155 об.

⁴⁴ Там же. Л. 156 об. – 157 об.

⁴⁵ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала... С. 230–231.

произойдет осенью или зимой, то, несомненно, для рабочих наступит столь тяжелое положение, что необходимо будет немедленно прийти им на помощь»⁴⁶.

Уже в марте были «приостановлены на неопределенное время» доменная и мартеновская печи Нижнетагильского завода и доменная печь в Нижней Салде, в мае «за неимением горючих материалов» закрылись Висимо-Уткинский, Висимо-Шайтанский, Лайский, Черноисточинский и Антоновский заводы, вскоре прекратились работы и на Высокогорском руднике (всего по приблизительным подсчетам временно без работы осталось тогда 54 % заводских и рудничных рабочих). В нарастающей кризисной ситуации Совет министров 17 апреля признал необходимым деньги, ранее планировавшиеся на продовольственную помощь населению, направить на заготовку древесного топлива, необходимого для возобновления работы предприятий, а 29 июля «отпустил за счет ожидаемых по действующей государственной росписи остатков» дополнительно 500 тыс. руб. «на неотложные расходы по поддержанию деятельности Нижнетагильских заводов... с зачетом в сумму долга наследников П.П. Демидова казне и обеспечением возврата их всем принадлежащим им горнозаводским имуществом». Начало погашения этих ссуд «с начислением узаконенных 6 %» было отсрочено на два года⁴⁷.

Деньги были выделены правительством в тот самый момент, когда на некоторых предприятиях сложилась особенно тяжелая ситуация. По свидетельству окружного инженера, прибывшего 1 августа «по вызову рабочих» Меднорудянского рудника, «все они обносились и все голодают или, вернее, недоедают... питаются исключительно одним хлебом и овощами с собственных огородов». «Овощей уже скоро не будет, и грядущая зима их ужасает. Уже в настоящее время, благодаря плохому питанию, рабочие теряют силы и сильно понизили производительность... и уверяют, что на этой же почве развивается брюшной тиф. Рабочие в общем настроены мирно, но есть и признаки возбуждения», – делился своими впечатлениями Л.Г. Кихлер. Его предчувствия оправдались: через два дня, когда заводоуправление решило провести окончательные расчеты «с зачетом долгов рабочих», в результате которых многие из них вообще ничего бы не получили, забастовали рудничные рабочие, а вслед за этим «за неимением руды» прекратил работу и Выйский медеплавильный завод. Заводоуправление, однако, смогло предложить рабочим лишь постепенную уплату долга и новую систему расценок работ. Твердая позиция управления привела к тому, что рабочие «приняли все условия» и возобновили работу. Причину сговорчивости рабочих можно определить по их телеграмме, направленной министру торговли и промышленности в разгар забастовки, 21 августа: «Ожидаемая голодовка наступила, люди в отчаянии, покорнейше просим Вашего содействия в продовольственной помощи»⁴⁸.

В такой ситуации важно было поскорее получить и распределить правительственную ссуду. Главный начальник распорядился создать комиссию, в состав которой вошел и окружной инженер Л.Г. Кихлер. Кроме того, в октябре 1909 г. Совет министров дал разрешение Правлению заключить договор с французской Платинопромышленной компанией при условии, что выданный аванс в размере 500 тыс. руб. будет направлен «на неотложные нужды по поддержанию деятельности заводов». Распределением аванса занималось само Петербургское правление, но под контролем горных властей. В декабре Демидовым была предоставлена дополнительная ссуда из Нижегородско-Самарского земельного банка, который под залог земель выделил 670 тыс. руб. Из них 400 тыс. руб. ушло на погашение долга по прежней ссуде, а 270 тыс. руб. поступило «на неотложные потребности заводов», о чем Правление дало расписку Горному департаменту⁴⁹.

За счет этих сумм, достигавших 1,5 млн руб., острая фаза финансового кризиса была пройдена. Осенью поступили доходы от продажи металлов на Нижегородской ярмарке, был получен и новый заказ на рельсы. Как свидетельствовал Л.Г. Кихлер, к середине 1910 г. де-

⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 74, 78, 94–95 об., 97–98 об., 102–102 об.

⁴⁷ Там же. Л. 83, 90, 101, 118–118 об.

⁴⁸ Там же. Л. 185–185 об., 188, 190; Д. 1540а. Л. 4, 47–48.

⁴⁹ Там же. Д. 1540а. Л. 13, 50–50 об., 53, 74, 88–89 об.

нежный расчет рабочих и подрядчиков «производился уже в установленные сроки, но по отдельным производствам в неодинаковом размере». «Менее аккуратно» уплачивались долги служащим, что «особенно тяжело отзывалось на мелких служащих, получавших небольшое жалование». Понимая это, заводоуправление старалось именно им «выплачивать долг в большем проценте». Особенно значимым, по мнению окружного инженера, являлось «поддержание общественных потребительских лавок» с целью «парализовать могущую быть эксплуатацию рабочих местными торговцами-кулаками при реализации купонов (для приобретения припасов), которые в настоящее время выдаются заводоуправлением в самом ограниченном количестве и только по желанию самих рабочих в течение времени между расчетными сроками»⁵⁰.

Существенную роль сыграли и «реформы», настойчиво проводившиеся заводоуправлением во главе с Н.А. Спизарным. По подсчетам окружного инженера, если на 1 марта 1909 г. в округе было занято 19 197 рабочих, то в 1910 г. их количество сократилось до 17 038, а в 1911 г. – до 14 082, т. е. на 27 %. По мере того, как предприятия возобновляли работу, далеко не все работники нанимались вновь. При этом совсем не открылись Висимо-Уткинский, Лайский и небольшой прокатный Исинский заводы. Кроме того, заводоуправление ввело новые «условия работ» с пониженными на 20 % расценками. По свидетельству Л.Г. Кихлера в июне 1910 г., «урегулирование и введение в прошлом и нынешнем годах рабочих расценок по всем производствам... и сокращение излишнего числа рабочих рук подняли производительность... вследствие чего заработок их, за небольшим исключением, не только не уменьшился, но во многих случаях увеличился. Работы в настоящее время идут исправно и спокойно, не вызывая жалоб со стороны рабочих, оставшихся в работах»⁵¹. Через год, в июне 1911 г., другой горный инженер, Е.Я. Романов, временно замещавший Л.Г. Кихлера, тоже констатировал «общее улучшение дел» в округе. «В этом отношении я смело могу сказать, – уверял инженер, – что заводоуправление достигло некоторых весьма существенных результатов, которые дают надежду на улучшение общего положения дел в округе»⁵².

*Дом главного начальника уральских заводов. Екатеринбург.
Фото С.М. Прокудина Горского. 1909 г.*

Как и другим горнозаводским округам Урала, окончательно преодолеть кризис демидовским заводам помогло общее улучшение рыночной конъюнктуры и начавшийся экономиче-

⁵⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 109–110.

⁵¹ Там же. Л. 129–136 об.

⁵² Там же. Л. 150–151 об.

ский подъем в стране. В 1912 г. это позволило расторгнуть «кабальный договор» с Платинопромышленной компанией и направить возросшие доходы на масштабную реконструкцию заводов⁵³.

* * *

Описанные нами *cases* позволяют сделать некоторые общие наблюдения о деятельности окружных инженеров по контролю своевременной выдачи заработной платы рабочим. Отметим, что все три *cases* относились ко времени острого экономического и политического кризиса, который переживала Россия в первое десятилетие XX в. Тогда сложилась особо напряженная ситуация с финансированием крупных горнопромышленных предприятий, сопровождавшаяся задержками плат и обострением социальных отношений. Именно в такой критический момент в полной мере и смогли проявиться достоинства и недостатки в организации горного надзора в рассмотренном аспекте.

Выясняются, в частности, недостатки рабочего законодательства, где была зафиксирована лишь обязанность заводчиков выдавать заработную плату работникам дважды в месяц, но не вводились санкции за нарушение этого правила. Поэтому чиновники горного надзора могли лишь фиксировать нарушения и требовать их исправления от заводоуправлений, не имея реальных рычагов административного воздействия на них. Составление протоколов, как предписывал закон, и предоставление их в судебные органы, очевидно, совсем не практиковалось, также как и подача судебных исков со стороны рабочих, по той же самой причине отсутствия в законах «мер воздействия на предпринимателей». По этому поводу определенно высказался главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский, судя по источникам, глубоко погруженный в суть проблемы. Существующие законы, писал он, «остаются мертвой буквой... и при современном положении дела горный надзор лишен возможности фактически произвести воздействие на заводоуправление». Как уже упоминалось, он предлагал «ввести законодательным путем» хотя бы возможность ареста и продажи с торгов «заводских произведений» для расплаты с рабочими. Однако эти меры так и остались пожеланиями.

Вместе с тем, как следует из обильно цитируемых нами рапортов и писем четырех окружных инженеров (В.О. Бронаковский, А.А. Желиговский, Н.С. Ставровский, Л.Г. Кихлер), они со всей ответственностью подходили к своим обязанностям, одними из первых фиксировали нарушения, отслеживали ситуацию на заводах и, как требовал закон, добивались «исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон». Однако невысокая эффективность таких действий в условиях финансового кризиса объективно вела к снижению авторитета среди рабочих местных органов государственного надзора. Обращая на это внимание, окружные инженеры пытались своим собственным поведением сгладить такое впечатление. Они лично участвовали в разрешении конфликтов рабочих с заводской администрацией, направляли свои просьбы и требования не только местным, но и столичным правлениям, от которых в первую очередь зависело финансирование предприятий. Вместе с управляющими они пытались воздействовать на центральные правления, даже сопровождали уполномоченных от рабочих в столицу и, судя по всему, помогали им составлять прошения в высшие инстанции, тем самым стимулируя эти правления к более оперативным действиям.

Еще одним способом коммуникации были рапорты окружных инженеров по «вертикали» самого горного ведомства – главам регионального и центрального отраслевого управления, а также губернским властям, что подталкивало к принятию серьезных мер воздействия на предпринимателей со стороны государства. По запросу Горного департамента они участвовали в подготовке экспертных заключений о состоянии заводов, которые становились основой для принятия важных решений. В двух из рассмотренных нами *cases* (Сергинско-

⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1028. Л. 1–3 об.; Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. С. 72–73.

Уфалейские и Богословские заводы) это привело к установлению «антикризисного управления» над обанкротившимися акционерными компаниями, в двух (Богословские и Нижнетагильские заводы) – к предоставлению масштабной государственной помощи, направленной на поддержку бедствующего горнозаводского населения. При этом окружным инженерам, как доверенным чиновникам, приходилось выполнять и несвойственные им функции – от участия в специальных комиссиях по распределению этой помощи до прямой раздачи денег рабочим вместо заводской администрации.

Можно сказать, что в лице окружных инженеров в начале XX в. общество уже нашло ответственных и энергичных акторов, способных добросовестно исполнять надзорные функции, но их правовые возможности (хотя бы при выполнении одной из своих важнейших обязанностей по контролю за выдачей заработной платы рабочим) были еще довольно ограниченными. Организация горного надзора в России требовала первоочередного совершенствования законодательной базы.

Литература

Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. 262 с.

Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. 293 с.

Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018. 576 с.

References

Buranov, Yu.A. (1982). *Akcionirovanie gornozavodskoj promyshlennosti Urala (1861–1917)*. [Joint-stock industry mining industry of the Urals (1861–1917)]. Moscow. 262 p.

Guskova, T.K. (2007). *Nizhnetagil'skij gornozavodskij okrug Demidovyh vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Zavody. Rabochie*. [Nizhny Tagil Gornozavodsky district of the Demidovs in the second half of the 19th – early 20th centuries. Plants. Workers]. Nizhny Tagil. 293 p.

Neklyudov, E.G. (2018). *Gornaya reforma v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: ot zamysla k realizacii*. [Mountain reform in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: from concept to implementation]. St. Petersburg. 576 p.

Статья поступила в редакцию 10.07.2019 г.